

Мильтон Джон

Потерянный рай

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д42

Д42 **Джон М.**
Потерянный рай: Часть 2 / Мильтон Джон – М.: Книга по Требованию, 2025. –
171 с.

ISBN 978-5-519-96572-9

ISBN 978-5-519-96572-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Уже денница восходила на горизонтъ румяными сполами и сыпала на землю восточный бисеръ, когда Адамъ пробудился. Сонъ его, спокойный и легкій, подобно воздуху, былъ плодъ умѣренной и простой нищѣ. Онъ крошко изчезалъ при пѣніи пшпцъ, при журчаніи водъ, при шумѣ древесныхъ листьевъ и при тихомъ дыханіи ушра. Но какимъ удивленіемъ былъ пораженъ праопецъ нашъ, когда увидѣлъ Еву погруженную въ безпокойномъ снѣ, съ распушенными власами и ланитами распушенными! Онъ опирается на руку, и приклонивъ на возлюбленную свою взоры, исполненные сердечной любви, разсматриваетъ ея красоту, которая какъ по возбужденіи отъ сна, такъ и въ вѣдрахъ онаго, всегда блистала новыми предѣстами. Онъ ѣжно прикасается къ

рукъ ея, и гласомъ тихимъ, подобно зефиру, рекъ: Открой очи, о пы, копорую искалъ я сполько времени; пы, послѣдній и драгоцѣннѣйшій изъ даровъ неба! О подруга моя! о милая моя собесѣдница, вѣчное веселіе дней моихъ, пробудись! Денница уже сіяетъ; прохлада полей призываетъ насъ; мы перенемъ прекраснѣйшее время, пріятнѣйшую минушу дня, въ копорую можемъ увидѣть, какъ развиваются листочки нѣжныхъ распвѣтій, какъ разцвѣтаетъ цитронная роща, какъ почившя бальзамъ и слезившя смирна съ ароматическихъ деревъ, какъ пчела собираетъ сладкой сокъ съ благовонныхъ цвѣтовъ и какъ природа цокрываетъ луга красками своими.»

При сихъ словахъ, съ поolikoю ласкою произнесенныхъ, Ева опиверзаетъ изумленныя очи, бросается на перси супруга своего, и прижимая его къ груди своей, вѣщаетъ ему тако:

»О пы, единый предметъ, въ копоромъ сердце мое находишь миръ и спокойствіе! пы, слава моя и мое совершенство! какую восхищительную радость ощущаю въ сердцѣ моемъ, узрѣвъ лице твое и сей солнечный свѣтъ! Въ сію

ночь сонъ — какая ночь и какой сонъ я никогда не видала подобного ему — сонъ наполнилъ душу мою не побою, какъ часто сіе случается, ни трудами прѣтекшаго дня, или намѣреніями наступающаго утра, но смущеніемъ и безпокойствомъ, которыя до сей печальной ночи были мнѣ совсѣмъ не извѣстны. Казалось мнѣ, будто шепталъ въ ухо мое кропкій гласъ, призывавшій меня насладиться прогулкою. Я почла его своимъ; онъ вѣщалъ мнѣ: »О Ева! по-что спишь? Се пріятный часъ прохлады и безмолвія; единый лишь пѣвецъ ночи наподняетъ воздухъ согласнымъ пѣніемъ, любовію ему внушаемымъ; луна заснула мѣсто дневнаго свѣтила на небесномъ престола, и свѣтъ ея, еще сладостнѣйшій, озаряетъ лице вселенной. Сіе величїное зрѣлище уже ли щепотно будетъ раскрыто? Небо бодрствуетъ, и всѣ его очи опверсты: на кого же могутъ онъ взирать, если не на тебя, утѣха природы, которой присутствіе вливаетъ радость въ нѣдра всѣхъ существъ, а красота привлекаетъ и увеселяетъ ихъ зрѣніе?»

»При семъ гласъ, который все почи-

пала я и вонмъ, возспаю; но не видя
тебя, пишу тебя по всѣмъ мѣстамъ. Ка-
залось мнѣ, будто я шла одна по про-
пикъ, которая вдругъ привела меня ко
древу разумнѣя, намъ заповѣданному.
Глаза мои никогда не находили въ немъ
столько красоты, сколько представил-
ось ихъ моему воображенію. Между
тѣмъ, какъ я разсматривала его вели-
кодѣіе, явилось предо мною крылатое
существо, спаномъ и осанкою подоб-
ное Ангеламъ, которыхъ часто видимъ
нисходящихъ съ неба. Власы его, окро-
пленные росой, благоухали амброзією;
равное удивленіе устремило взоры его
на сіе древо. »О прекрасное распнѣіе, со-
бенное подъ тяжеснѣію безчисленныхъ
плодовъ! рекъ онъ: уже ли никто, ни
человѣкъ, ни житель небесный не со-
благоволишь облегчить бремя въпвій
и вонихъ и вкусишь сладость твою? уже
ли можно презирашь познаніе до такой
степени? Уже ли зависть и неправед-
ное припязаніе возбраняють пользо-
ваться побоемъ? Возбраняй, кто хочешь:
никто не удержитъ меня, никто не ли-
шитъ наслажденія, которое предста-
вляется глазамъ моимъ.» — Онъ рекъ,

и вдругъ дерзновенною рукою срываешь плодъ и вкушаешь его. При сей рѣчи, при семъ беззаконномъ дѣйствіи, кровь охладѣла опъ ужаса въ жилахъ моихъ; но онъ воскликнулъ съ радостнымъ восторгомъ: »О божественный плодъ! сколь восхитительна сладость твоя! колико она увеличивается, когда рука тайно похищаетъ тебя! Ты, безъ сомнѣнія, запрещень для того, чѣобы не преобразилъ человѣковъ въ боговъ, для копорыхъ единственно ты предославленъ. И по чему не произвеси тебѣ сей чудесной премъны? Всякое благо не преслѣдуешь ли по мѣрѣ того, какъ оно сообщается? и сіе удѣленіе не возвеличить ли славу Творца вмѣсто того, чѣобы оскорбить Его? Приди, небесная жена, прекрасна Ева! ты не можешь содѣлаться достойнѣйшею щастія, копорымъ наслаждаешься; но сіе щастіе можешь усугубиться. Вкуси со мною опъ сего плода; преобразись въ богиню, и осплавивъ землю, вознесись на воздухъ, подобно намъ; или взыди на небо, возсядь среди небожителей по чину и достоинству, и раздѣлай съ ними блаженство.»

»По окончаніи сихъ словъ, онъ подо-

шелъ ко мнѣ, и поднесъ къ самымъ
ушамъ моимъ единую часть оныя со-
рваннаго имъ плода. Благовоніе его было
столь пріятно, вкусъ столь сладостенъ,
что я не могла воспротивиться жела-
нію удовольствоваться оному. Я мгновенно
вознеслась съ нимъ на облака, и увидѣла
ногъ ногамъ моимъ землю безпредѣльно
простирающуюся. Зрѣлище величествен-
ное и разнообразное! Между тѣмъ, какъ
я удивлялась прѣмъ своей и высотѣ
ипакого полета, вдругъ исчезъ путево-
днелъ мой. Тогда показалось мнѣ, буд-
то ушла я опять на землю и погрузи-
лась въ сонъ. Но какою радостію оза-
рилось сердце мое, когда пробудившись
увидѣла, что все происходившее было
единый сонъ!»

Такъ Ева повѣдала nocturne свое меч-
таніе. Огорченный Адамъ рекъ ей:

«О драгоценный мой образъ! о любез-
нѣйшая и дражайшая моя половина! Я
равно чувствую смятеніе духа моего
въ сновидѣніи сей ночи: чудный сонъ
мой превозжилъ меня, и я спрашусь,
чтобы зло не было его источникомъ.
Гдѣ же источникъ сего зла? Чистая
душа! въ небѣ не можешь онъ явиться.

Но познай, что внутри насъ находятся многія подчиненныя способности, которыя всѣ покорены разуму, яко своему владыкѣ. Между сими способностями воображеніе занимаетъ первое мѣсто. Изъ всѣхъ понятій, которымъ цѣль чувствъ нашихъ служатъ органами, составляетъ оно легкіе образы, простые виды, и потомъ разумъ, соединяя или раздѣляя сіи первыя черты, опредѣляетъ всѣ идеи, которыя должны мы принять или отвергнуть; отсюда происходятъ то, что называемъ мы познаніемъ или мнѣніемъ. Когда покоится природа и разумъ наслаждается тѣмъ же успокоеніемъ во глубинѣ своего святилища; тогда фантазія, ревностная его подражательница, воспользовавшись его отсутствіемъ, часто дѣйствуетъ по его примѣру; но не умѣя подбирать воображаемые ея виды, часто составляетъ нелѣпыя картины, и представляетъ въ спраннымъ безпорядкѣ, паче же среди сна, разговоры и поступки минувшаго дня или давно уже прошедшаго времени. Я, кажется, усматриваю сквозь чудныя прибавленія, нѣкоторое сходство между еномъ твоемъ и по-

сѣдней нашею бѣсѣдою. Преспанъ же печалился. Злая мысль можетъ войти въ душу человека; но если она вкрадывается въ нее безъ его согласія, то не можетъ напечатлѣть въ ней ни же малѣйшихъ слѣдовъ порока. Беззаконіе, котораго единая пѣнь поразила тебя въ сновидѣніи толикимъ ужасомъ, не можетъ быть содѣлано тобою во время бодрствованія. И такъ будь спокойна и не омрачай грустію взоровъ своихъ, которые до сей минуты были яснѣе и милѣе, нежели крошечная улыбка веселаго утра, украшающаго лице земли. Возстанемъ, приспунимъ шаки къ прудамъ нашимъ подъ сѣнію рощей, на берегу источниковъ и среди цвѣтущихъ, уже испаряющихъ пріятнѣйшія благовонія, которыя ноцію хранились въ ихъ листьяхъ для твоего удовольствія.»

Такъ Адамъ спарался утѣшивъ нѣжную свою подругу, и она почувствовала утѣшеніе въ сердцѣ своемъ. Однакожь изъ очей ея выкапнулись въ безмолвіи двѣ слезы; она оперла ихъ власами своими; двѣ другія, уже готовыя излишья, блиспади въ свѣтлыхъ своихъ источ-

никахъ; онъ принялъ ихъ на успа свои, яко драгоценный залогъ кропкаго раскаянія и святаго цѣломудрія, содрогающагося при единой мысли о преспу-пленіи.

Супруги, успокоивъ волненіе своего духа, оставили пѣнь кущи и приблизились къ долині. Лишь только увидѣли они разцвѣтающій день и возникавшее изъ нѣдръ морей солнце, котораго колеса капились еще на лазуревой ихъ поверхности, а лучи, простираясь по землѣ и проникая сквозь росу, въ обширномъ пространствѣ освѣщали весь воспокъ Рая и щасливныя поля Едемскія, первая мысль ихъ была воздать Творцу глубокое поклоненіе и принести Ему жертву благодарности, которой выраженія премъняли они каждое утро; ибо всегда, когда произносили молитву или воспѣвали Ему хвалу, священный воспоргъ воспламенялъ ихъ душу, внушая имъ новые глаголы: краснорѣчивая проза и восхитительная поэзія текли беспро изъ устъ ихъ, и гармонія ихъ была столь плѣнительна, что ни арфа, ни лира никогда не издавали подобныхъ звуковъ.

»Всемогуцій Творець всякаго блага! воскликнули они: се Твои преславныя творенія! Сей міръ естъ дѣло рукъ Твоихъ; сколь великолѣпенъ онъ! сколь дивенъ! Но koliko Ты самъ еще паче удивиленъ! Существо неизглаголанное, сѣдѣющее на высотѣ эфирнаго свода! око человѣческое не можетъ видѣть Тебя, или по крайней мѣрѣ слабо зрѣть образъ Твой въ сихъ произведеніяхъ, хотя малѣйшихъ, но возвыщающихъ безпредѣльное Твое могущество и непостижимую благоспѣ. Рцыте вы, могущіе познать Его паче насъ, вы, Ангелы, чада свѣта, зрящіе Его, окружающіе престола Его и воспѣвающіе во дни, никогда немерцающіе, радостныя пѣсни и сладостныя гимны. Живеди небесъ! соедините гласъ свой съ гласомъ обитающихъ на землѣ для прославленія сего Существа, перваго и послѣдняго, сославляющаго начало и конецъ. Величественная звѣзда; прекраснѣйшая и послѣдняя изъ соупницъ нощи, если не хочешь принадлежать денницѣ, вѣрной предшественницѣ дня; ты, которая вѣнчаешь блестящею діадимомъ улыбающееся утро! прославляй Создателя нашего, между